

УДК 811.512.1 + 81'366.2

И. А. Невская

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

nevskaya@em.uni-frankfurt.de

**СЛОЖНОСТЬ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ
ИСТОРИЧЕСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД) ***

Описываются падежные системы древнетюркских языков в аспекте их парадигматической, синтагматической и поверхностной сложности.

Инвентарь падежных форм древнетюркских языков развивается в сторону уменьшения членов системы, т. е. в сторону ее парадигматического упрощения. Параметр морфофонологической вариативности членов парадигм большой роли не играет, за исключением вариативности форм аккузатива после аффиксов притяжания. К классическому периоду исчезают наиболее «длинные» падежные формы, состоящие из 4–5 звуков, тем самым уменьшается и поверхностная сложность системы.

Наиболее важным фактором в динамике сложности падежных систем является синтагматика. Хотя падежный инвентарь наиболее древних тюркских языков значительно шире, чем в современных, но функциональная нагрузка на отдельные формы распределена неравномерно. Если в самых древних текстах преобладающая доля функциональной нагрузки приходится на номинатив, то в более поздние периоды набирают силу косвенные падежи.

Более богатый инвентарь падежных форм раннего древнетюркского времени жертвуется в пользу более четкой семантической специализации отдельных форм в ходе становления литературного древнеуйгурского языка. В результате в процессе развития литературного древнеуйгурского языка многие формы вышли из употребления, система стала намного проще, более структурированной, формы падежей стали более специализированными семантически. Это свидетельствует об упрощении языкового строя, характерном для кодированных литературных языков.

Параллельно с утратой отдельных периферийных форм появляется синтезация новых падежей из сочетаний «послелог плюс имя».

Таким образом, падежный инвентарь тюркских языков с течением времени расширяется, что приводит к усложнению их падежных систем. Эти две взаимонаправленные тенденции определяют развитие тюркских падежных систем и в более поздние эпохи, отвечая за их парадигматическое и синтагматическое разнообразие в современных языках.

Целью данного исследования является оценка сложности падежных систем исторических тюркских языков (в древнетюркский домонгольский период).

Ключевые слова: тюркские языки, морфология, сложность, падежные системы.

Рабочая гипотеза

Проанализировав исследования падежных систем тюркских языков древнетюркского периода [Рамстедт, 1957; Tekin, 1968; СИГТЯ, 1988; Erdal, 2004; Кормушин, 1997; 2008; ДЛТ, 2010], мы полагаем, что функциональная нагрузка на отдельные формы распределена неравно-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе»).

Невская И. А. Сложность падежных систем исторических тюркских языков (древнетюркский домонгольский период) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 2: Филология. С. 36–56.

мерно, хотя инвентарь падежных форм древнетюркских языков значителен и даже шире, чем падежный инвентарь современных тюркских языков (табл. 1). Мы ожидаем, что центральные падежные формы этих систем несут основную семантическую и синтаксическую нагрузку. В то же время в течение древнетюркского периода ее распределение между конкретными формами меняется в пользу более специализированных форм по сравнению с менее специализированными, в частности, по сравнению с формой номинатива, что является показателем снижения сложности системы.

Таблица 1

Падежные системы современных сибирских языков
[Nevskaya, 2014]

Падеж	ПТ	ДТ	Якут.	Шор.	Хак.	Алт.	Тув.	Тоф.
Nom	*-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø
Acc	*-(I)g	-(X)g -nI	-(n)I	-NI	-NI	-NI	-NI	-NI
Gen	*-(U)ŋ	-(n)Xŋ	–	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ
Dat	*-kA	-kA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA
Loc	*-tA	-dA	(-TA)	-DA	-DA	-DA	-DA	-DA
Abl	*-tIn	-dIn -dAn	-(t)tAn	-DAŋ	-DAŋ	-DAŋ	-DAn	-DAn
Equ/Lat	*-čA	-čA	–	-čA	-čA	-čA	(-CA)	-šA
Dir	*-gArU	-gArU	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	-SA(r)	-SAr	PP	-DIvA/ -GXdX -CA(-če/ -že)	PP
Com	*-IIg	-IXgU -IUgUn	-LI:n	–	–	–	–	–
Instr	*-(I)n	-(X/I)n	–	–	–	–	–	–
	–	–	-(I)nAn	-BA	-nAŋ	-IA	PP/-BIIA	PP/-BIIA
Part	( )	( )	-TA	(-DAŋ)	(-DAŋ)	(-DAŋ)	(-Dan)	(-DA)
Compar	–	–	-TA:gAr	–	–	–	–	–
Coord	–	–	-LArI	–	–	–	–	–
Vocat	( )	( )	( )	-y, -(X)m	-(X)ŋ	-(X)m	-(X)m	-y

Теоретические основы исследования: формально-количественные параметры измерения языковой сложности

Мы рассматриваем сложность падежных систем древнетюркских письменных источников, руководствуясь критериями определения системной, структурной и поверхностной сложности

[Dahl, 2004; Miestamo, 2008; Nickols, 2009], выработанными типологами. Мы дополняем этот список собственными критериями, которые были выработаны в ходе работ по проекту.

Системная (парадигматическая) сложность проявляется в таких параметрах, как, например, предложенные Д. Николз [Nickols, 2009] формально-количественные параметры измерения языковой сложности:

- количество элементов (фонем, тонов, родов, падежей, способов построить придаточное предложение и т. п.) в каждой подсистеме;
- количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофоны, алломорфы, словоизменительные классы.

Структурная (синтагматическая) сложность связана с такими параметрами, как:

- количество комбинаций элементов на разных уровнях;
- ограничения на употребление элементов и их сочетаний.

Поверхностная сложность – это произносительная длина языковых единиц при их употреблении в речи.

Методика и материал исследования

С предложенными критериями системной (количество падежей и алломорфов) и поверхностной (длина сегментов) сложности мы в принципе согласны, хотя и с некоторыми оговорками.

Критерий количества алломорфов у форманта того или иного тюркского падежа не будет нами применяться по следующим соображениям:

- количество алломорфов той или иной морфемы обусловлено степенью сложности иного уровня языка – его морфонологии;
- соответственно, их количество, на наш взгляд, не влияет на степень сложности категории морфонологии – падежа.

Мы учитываем количество алломорфов того или иного падежа в нашей оценке сложности падежных категорий рассматриваемых языков в том случае, если аллоформное варьирование влияет на состав парадигмы в процессе ее исторического развития.

Что касается критерия поверхностной (длина сегментов) сложности, то мы считаем, что данный критерий также не является решающим в применении к агглютинативной морфологии, так как длина служебных сегментов обусловлена возможностями присоединения, предоставляемыми порядковой моделью именной или глагольной (в нашем случае именной) словоформы, соответственно, это иной уровень сложности, не характеризующий сложность именно морфологической категории падежа. Соответственно, мы будем учитывать только длину самих падежных показателей.

Критерии синтагматической сложности, учитывая особенности тюркской морфологии, мы уточняем следующим образом:

- процентное соотношение употреблений падежно-оформленных существительных и падежно-неоформленных;
- процентное соотношение употребления каждого из падежей;
- семантические функции каждого из падежей;
- синтаксические функции каждого из падежей.

Мы руководствовались следующими соображениями. У существительных в тюркских языках именительный падеж совпадает по форме с их основой. Круг его функций не совпадает с функциями именительного падежа индоевропейских языков, так как он может оформлять прямое дополнение (также выражаемое аккузативом), существительное в функции определения (также оформляемое аффиксом родительного падежа), иногда направление движения или место локации (также с дательным или направительным и местным падежами соответственно). В ходе исторического развития падежных систем тюркских языков эти функции постепенно перенимаются специализированными падежами.

Оценка падежного соотношения употребления каждого из падежей, их семантических функций и синтаксических функций оформленных ими словоформ дадут нам возможность судить о том, идет ли усложнение структуры падежной парадигмы при упрощении семантических функций отдельных падежей, перенимают ли «оформленные» аффиксами падежные формы часть функциональной нагрузки именительного падежа.

Источники на древнетюркских языках

Древнетюркский период представлен рядом корпусов письменных источников, написанных в разное время на разных графических системах и носителях и охватывающих во временном плане около 600 лет, а в плане географическом – многие сотни и даже тысячи километров: от гор Алтай до Центральной Азии и Северного Китая.

Первый корпус. Наиболее древний корпус представлен несколькими сотнями руноподобных надписей на стелах, скалах, предметах быта, написанных древнетюркским руническим письмом. Они разбросаны по огромной территории Евразии. Наиболее известные и значительные по объему и содержанию надписи найдены в бассейне р. Орхон (Монголия). Они представляют собой официальные надписи, посвященные правителям (каганам), членам их семей, крупным военным и политическим деятелям тюркских каганатов (примерно VII–IX вв.). Менее крупные рунические надписи находятся в бассейне Енисея (Тува и Хакассия), в Республике Алтай, в Киргизии (в особенности в Таласе, столице Западно-Тюркского второго каганата), Казахстане и в северо-восточной части китайского Туркестана.

Второй корпус. Так называемый древне-уйгурский корпус письменных памятников охватывает манускрипты, созданные начиная с IX и до XIII в. (памятники религиозного содержания переписывались и далее, вплоть до XV в., так как копирование священного текста считалось обязанностью каждого верующего; мы тут имеем в виду именно время их создания), уйгурским, манихейским, руническим письмом, но также и согдийским (наиболее древние памятники этой группы), сирийским, брахми и тибетским письмом. Этот корпус наиболее обширен по количеству манускриптов, их религиозному и жанровому разнообразию, по охвату времени и географии. Примерно $\frac{3}{4}$ этого корпуса представляют собой сочинения буддийского содержания, 10 % – манихейского: они относятся к раннему времени уйгурского периода, когда манихейство было официальной религией в тюркских каганатах. За манихейскими, доклассическими, памятниками следуют классический и поздний уйгурский периоды.

Третий корпус. Уже в конце древнетюркского периода, начиная с XI в. и вплоть до монгольского нашествия в середине XIII в., попутно с исламизацией тюркского населения Средней Азии, происходит распространение арабского письма. Наиболее значительные произведения данного периода, называемого караханидским (по имени правящей династии каганов) – поэма «Кутадгу билиг», а также словарь тюркских диалектов Махмуда Кашгарского.

Все эти корпуса лингвистически негомогенны. В них можно найти целый ряд диалектных черт, соответственно, нужно уточнять и результаты нашего исследования: возможно, что те отличия, которые мы обнаружим в изучаемых памятниках, носят не исторический, а именно диалектный характер.

Необходимо учитывать и еще одну особенность исследования, проводимого на материале исторических языков. Мы можем описывать только те формы, которые встретились в ограниченном по объему корпусе. Мы не можем сказать, что та или иная форма отсутствует. Возможно, она менее частотна и поэтому не отражена в данном корпусе, или же она не употребляется в идиолекте его создателя.

Разумеется, мы не можем статистически проанализировать весь имеющийся древнетюркский материал. Соответственно, мы выбираем для исследования следующие тексты, принадлежащие двум корпусам (второй корпус представлен двумя подкорпусами) этого времени, расположенные ниже диахронно:

- отрывок из рунической надписи в честь Тоньюкука (примерно 2 500 передаваемых звуков¹, прилож. 1) – первый корпус;
- отрывок из покаянной молитвы манихейцев (примерно 2 500 звуков, прилож. 2) – доклассический период второго корпуса;
- отрывок из описания жизни Майтрейи (примерно 2 500 звуков, прилож. 3) – классический период второго корпуса.

Кроме того, мы будем оценивать статистически манихейский и уйгурский материал в том объеме, в котором он присутствует в корпусе VATEC². Именно наличие этого электронного ресурса и предопределило в значительной степени выбор корпусов и текстов. Самый древний корпус рунических надписей, хотя и не представленный в базе данных VATEC, нам нужен в качестве исторически самого раннего референционного пункта в описании тюркских падежных систем.

Последний, третий, из древнетюркских корпусов, нами на данном этапе не рассматривается, так как он носит ярко выраженный региональный характер и географически далек от остальных корпусов (с их подкорпусами).

При статистических подсчетах мы учитываем как собственно существительные, так и субстантивированные прилагательные, которые в грамматическом плане ведут себя как существительные, тем более что провести границу между существительным и прилагательным не всегда просто, если вообще возможно. Мы не будем учитывать те разряды местоимений и числительных, которые ведут себя во многом как существительные в грамматическом плане, но могут значительно сместить статистику употребления падежных форм за счет того, что, например, количественные числительные в сложных числительных высоких порядков употребляются в форме своей основы, омонимичной с формой номинатива.

Статистическая оценка первого корпуса

В данном тексте представлены следующие падежные формы (всего 7): номинатив, аккумулятив, датив, локатив, аблатив, директив на -gArU и на -rA. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные показатели состоят из двух (датив, локатив, директив на -rA), трех (аблатив) или четырех звуков (директив на -gArU). Только аккумулятив имеет показатель, состоящий из одного звука, если основа оканчивается на гласный. В основном, все падежи имеют от двух до четырех морфофонологических вариантов. Используется более древний показатель аблатива с узким гласным -dIn. То, что остальные древнетюркские падежи в данном тексте не встретились, возможно, случайность, но все же этот факт свидетельствует о том, что некоторые формы, по крайней мере, являются редкими.

Оценка данных показывает (табл. 2), что наиболее частотный и функциональный падеж – это номинатив, который выступает практически во всех функциях. Второй по частотности – аккумулятив, за ним следует локатив. Локатив совмещает функции обстоятельства места и источника движения, а также объекта, от которого отделяется его часть. У дательного падежа преобладают объектные функции. Аккумулятив представлен двумя основными показателями: -(X)g (используется после основ, не оформленных посессивными показателями) и -nI (используется после основ, оформленных посессивными показателями 1-го и 2-го лица). Показатель -(s)In является фузионным, совмещающим значение посессивного показателя 3-го лица и винительного падежа. Его становление закончилось уже к данному периоду. В формах слов, оканчивающихся на согласный, он совпадает с показателем инструментального падежа, примеры употребления которого в этом тексте не встретились. Возможно, это совпадение в дальнейшем приводит к исчезновению древнего аффикса инструментального падежа и его замене на новое образование, восходящее к сочетанию имени и послелога со значением ‘вместе, с’. Наблюдается

¹ Поскольку принципы орфографии памятников, написанных разными видами письма, очень различаются и для написания одного и того же слова разными алфавитами иногда необходимо использовать от 1 до 4 знаков, мы оценивали количество передаваемых звуков (т. е. знаков в транскрипции того или иного текста).

² <http://www.vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>

Таблица 2

Статистические данные оценки рунического текста

Падежные формы		Кол-во в тексте	% каждого из падежей	Синтаксические функции	Семантические функции	Имя + послелог
Nom	-Ø	78	67	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст-во (с посл.)	место ГДЕ	+ birle + teg + üzä
Gen	-(n)Xŋ	0	0			
Acc	-(X)g -nI -(s)In	15	13	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	4	3	обст-во ГДЕ косв. доп.	место (ГДЕ) адресат речи напр. взгляда	
Loc	-dA	9	8	обст-во: ГДЕ ОТКУДА	место (ГДЕ) источник отделения	
Abl	-dIn	1	1	обст-во ОТКУДА	источник движения	
Equ/Lat	-čA	0	0			
Dir	-gArU	2	2	обст-во КУДА	цель движения	
Com	-IXgU -IUgUn	0	0			
Instr	-(X/I)n	0	0			
Dir	-rA	7	6	обст-во ГДЕ	место (ГДЕ)	
Всего		116	100			

явное преобладание использования послелогов с номинативным падежом зависимого имени. Именно эти сочетания и развиваются на более поздних этапах в современные падежные формы недавнего формирования.

Статистическая оценка второго корпуса: доклассический период

В данном тексте представлены следующие падежные формы (всего 9): номинатив, генитив, аккумулятив, датив, локатив, директив на -gArU, экватив, комитатив и инструменталис. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные показатели состоят из двух (датив, локатив, инструменталис, экватив), трех (генитив), четырех (директив на -gArU) или пяти (комитатив) звуков. Только аккумулятив имеет показатель, состоящий из одного звука, если основа оканчивается на гласный. В основном все падежи имеют от двух до четырех морфологических вариантов. Как и в первом корпусе, аккумулятив представлен тремя показателями с теми же синтагматическими особенностями их сочетания с основами разных типов. Показатель аблатива не встретился.

Таблица 3

Статистические данные оценки манихейского текста

Падежные формы		Кол-во в тексте	% каждого из падежей	Синтаксические функции	Семантические функции	Имя + послелог
Nom	-Ø	64	54	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст-во (с посл.)	для, ради	+ ücün
Gen	-(n)Xŋ	1	1	опред.	посессор	
Acc	-(X)g -nI -(s)In	12	10	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	19	16	косв. доп.	адресат действия, речи	+tägi (без пробела!)
Loc	-dA	6	5	объект обст-во времени	источник отделения отдел. объект граница врем. интервала «с»	+berü (3)
Abl	-dIn -dAn	0	0			
Equ/Lat	-čA	7	6	обст-во степени	до какой степени	
Dir	-gArU	1	1	обст-во КУДА	цель движения	
Com	-lUgUn	1	1	подл.	коагенс	
Instr	-(X/I)n	7	6	доп., обст-во	объект-инстр., обст-во времени, образа действия	
Dir	-rA	0	0			
Всего		118	100			

Данные показывают (табл. 3), что значительно снизилась функциональная нагрузка номинатива при возрастании нагрузки косвенных падежей – аккузатива, датива, локатива и инструментального падежей. Эти различия могут объясняться спецификой религиозного текста с его аллитерациями и параллелизмом форм и, возможно, влиянием текста-оригинала на другом языке. Тем не менее полностью сохраняются морфологическая и синтаксическая структура древнетюркского текста, функции падежей, их синтаксические и семантические роли. Увеличение числа активных падежей, количество оформленных специальными показателями падежных форм, их функциональная и семантическая нагрузка свидетельствуют о возрастании сложности падежной парадигмы этого периода по сравнению с самыми древними из дошедших до нас текстов.

Для данного подкорпуса мы исследовали статистически также манихейские тексты, содержащиеся в корпусе VATEC. Этот подкорпус составляет 3 403 слова (в наиболее сохранившихся текстах). В данном корпусе присутствуют следующие падежные формы с ненулевыми показателями: Gen, Acc, Dat, Loc, Abl, Dir, Instr, Equ, Com.

В нем имеется 2 170 употреблений имен существительных. Мы старались учитывать хорошо сохранившиеся фрагменты. Из них 30 оформлено родительным падежом (1,4 %), 110 – винительным (5,0 %), 202 – дательным (9,3 %), 137 – местным (6,3 %), 20 – исходным (0,9 %), 24 – направительным (1,1 %), 98 – орудным (4,5 %), 30 – эквативным (1,4 %) и 5 – комитативным (0,2), т. е. всего 626 форм (28,8 %). Тем самым на долю номинатива остается 1 544 имени существительных (71,2 %). Можно отметить, что подавляющее большинство случаев употребления экватива – это уже застывшие в качестве наречий формы указательных местоимений.

Корпусное исследование расходится с результатами анализа отдельного фрагмента. Это объясняется в первую очередь тем, что отдельный фрагмент, выбранный для анализа, сохранился полностью, тогда как корпус содержит много сильно поврежденных манускриптов, поэтому, хотя мы и старались выбрать среди них наиболее сохранившиеся, в них остается много лакун, в таких случаях часто можно только угадать слово по его части, но не аффиксы. Поэтому корпусное исследование для нашей цели оказалось менее пригодным, чем анализ сохранившегося все служебные морфемы фрагмента.

Однако данный результат показывает не долю оформленных ненулевыми показателями падежных форм, а динамику их функциональной нагрузки в сравнении друг с другом и наличие редких падежных форм. Так, в корпусе директив на -гА также отсутствует, как и в выбранном фрагменте. Корпус подтверждает редкое использование исходного падежа: в исследованном тексте он вообще не встретился, а в корпусе есть всего 20 случаев его употребления. Вслед за номинативом наиболее активны тут формы локатива, датива и аккузатива.

Статистическая оценка второго корпуса: классический период

В данном тексте представлены следующие падежные формы (всего 7): номинатив, генитив, аккузатив, датив, локатив, аблатив и инструменталис (табл. 4). Тем самым состав падежной парадигмы максимально приближается к составу ядра падежных форм в современных языках. Уже не употребляются (или употребляются очень редко) директив на -gArU, экватив и комитатив, которые и в современных языках также вышли за пределы падежных систем и остались в виде застывших формирований. Однако инструменталис еще весьма употребителен. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные состоят из двух (аккузатив, датив, локатив, инструменталис) или трех (генитив) звуков. Показатель аккузатива, в отличие от предшествующих периодов, содержит широкий, а не узкий гласный; если же основа оканчивается на гласный, он состоит из одного звука. Получает дальнейшее распространение синтезированный показатель аккузатива и посессива 3-го л. ед. ч. В основном все падежи имеют от двух до четырех морфофонологических вариантов.

Анализ данного материала показывает, что система падежных форм в классический период становится намного «стройнее»: многие падежные формы выходят из употребления, оставшиеся становятся семантически более прозрачными и обретают функциональную сферу, которую они имеют в современных тюркских языках. Система развивается по пути упрощения и специализации падежных форм, что характерно для развитых литературных языков. Разумеется, это признаки отточенного языка религиозных текстов на высокой степени развития классической древней тюркской письменности. Исчезли самые длинные показатели, состоящие из четырех или пяти звуков. Таким образом, наблюдается упрощение системы как в парадигматическом, так и в синтагматическом и поверхностном планах.

Таблица 4

Статистические данные оценки буддийского текста

Падежные формы		Кол-во в тексте	% каждого из падежей	Синтаксические функции	Семантические функции	Имя + послелог
Nom	-Ø	54	56	подл. им. сказ. пр. доп. опред.		
Gen	-(n)Xŋ	3	3	опред.	посессор	
Acc	-(X)g -nI -(s)In	15	15	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	8	8	косв. доп.	адресат действия, речи	
Loc	-dA	10	10	обст-во места	место	+üzä
Abl	-dIn -dAn	1	1	обст-во места	источник движения	
Equ/Lat	čA	0	0			
Dir	-gArU	0	0			
Com	-IU -gUn	0	0			
Instr	-(X/I)n	7	7	доп., обст-во	объект- инстр., обст-во времени, образа дей- ствия	
Dir	-rA	0	0			
Всего		97	100			

Тексты другого содержания, отражающие разговорный язык этого периода, скорее всего покажут более пеструю картину, но это тема для отдельного исследования.

В дополнение к анализу отдельного буддийского фрагмента мы исследовали статистически также буддийские тексты, содержащиеся в корпусе VATEC, стараясь выбирать более сохранившиеся. Наш подкорпус составил 4 600 словоформ.

В данном подкорпусе присутствуют следующие падежные формы с ненулевыми показателями: Gen, Acc, Dat, Loc, Abl, Dir, Instr, Equ, Com.

В нем имеется 1 211 употреблений имен существительных с падежными окончаниями на 4 700 существительных в данном подкорпусе. Из них 142 оформлено родительным падежом (3,0 % от общего числа существительных), 172 – винительным (3,7 %), 280 – дательным (6,0 %), 343 – местным (7,3 %), 74 – исходным (1,6 %), 7 – направительным на -gArU (0,1 %), и только 1 случай директива на -гА, 190 – орудным (4,0 %), 43 – эквативным (0,9 %) и 0 комитативным, т. е. всего 1 212 форм (25,8 %). Тем самым на долю номинатива остается 3 500 имен существительных (74,2 %).

Корпусное исследование дополнило результаты анализа выбранного фрагмента: наличие на данном этапе исторического развития экватива, преобладание директива на -gArU по сравнению с формой на -гА при их общей очень маленькой функциональной нагрузке, не такую уж незначительную роль генитива (3,0 %) и инструменталиса (4,0 %), которые не встретились во фрагменте.

Корпус подтверждает редкое использование исходного падежа: в исследованном тексте он вообще не встретился, а в корпусе есть всего 20 случаев его употребления. Вслед за номинативом наиболее активны тут формы локатива, датива и аккузатива.

Сравнительный анализ синтагматики и семантики падежных показателей в трех текстах

Наши данные подтверждают гипотезу о том, что инвентарь падежных форм древнетюркских языков развивается в сторону уменьшения членов системы, т. е. в сторону ее парадигматического упрощения. Параметр морфофонологической вариативности членов парадигм большой роли не играет за исключением вариативности форм аккузатива после аффиксов притяжения. К классическому периоду исчезают и наиболее «длинные» падежные формы, состоящие из 4–5 звуков, тем самым уменьшается и поверхностная сложность системы.

Наиболее важным фактором в динамике сложности падежных систем является синтагматика (табл. 5). Корпус первого периода и первый подкорпус второго периода демонстрируют еще значительное количество падежных форм, их инвентарь шире, чем в современных тюркских языках. Наблюдается сокращение этого инвентаря в пользу более четкой семантической специализации отдельных форм в ходе становления литературного древнеуйгурского языка.

Аккузатив представлен двумя основными показателями: -(X)g (употребляется после основ, не оформленных посессивными показателями) и -nI (употребляется после основ, оформленных посессивными показателями 1-го и 2-го лица). Показатель -(s)In является фузионным, совмещающим значение посессивного показателя 3-го лица и винительного падежа. В формах слов, оканчивающихся на согласный, он совпадает с показателем инструментального падежа, который во всем древнетюркском периоде еще активно используется. Возможно, это совпадение и ведет в дальнейшем к исчезновению древнего аффикса инструментального падежа и его замене на новое образование, восходящее к сочетанию имени и послелога с семантикой 'вместе, с'.

Если в самых древних текстах функциональная нагрузка на отдельные падежные формы распределена неравномерно и преобладающая доля приходится на номинатив, то в более поздние периоды набирают силу косвенные падежи.

Основная семантическая и синтаксическая нагрузка на отдельные формы в течение древнетюркского периода распределяется между конкретными формами, которые становятся все более специализированными семантически и постепенно перенимают часть функциональной нагрузки менее специализированных форм, в частности формы номинатива, что является показателем снижения сложности системы.

Таблица 5

Сравнение статистических данных оценки древнетюркских текстов

Падеж	Период					
	Руника		Манихеика		Уйгурика	
	%	синтаксис и семантика	%	синтаксис и семантика	%	синтаксис и семантика
Nom -Ø	67	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст-во (с посл.)	54	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст-во (с посл. для, ради + ücün)	56	подл. им. сказ. пр. доп. опред.
Gen -(n)Xŋ	0	0	1	опред.: посессор	3	опред.: по- сессор
Acc -(X)g -nI -(s)In	13	пр. доп.	10	пр. доп.: специф. объект	15	пр. доп.: специф. объ- ект
Dat -kA	3	обст-во ГДЕ косв. доп.	16	косв. доп.: адре- сат действия, речи (+tägi)	8	косв. доп.: адресат дей- ствия, речи
Loc -dA	8	обст-во: ГДЕ ОТКУДА	5	объект: источник отд-ния, отдел. объект; обст-во времени: граница врем. интервала «с» (+berü)	10	обст-во ме- ста
Abl -dIn -dAn	1	обст-во ОТКУДА	0		1	обст-во: источник движения
Equ/Lat -čA	0	0	6	обст-во степени	0	
Dir -gArU	2	обст-во КУДА	1	обст-во КУДА: цель движения	0	
Com -IUgUn	0	0	1	подлеж.: коагенс	0	
Instr -(X/I)n	0	0	6	доп. (объект-ин- струмент), обст-во времени, образа действия	7	объект- инстр., обст-во вре- мени, образа дей- ствия
Dir -rA	6	обст-во ГДЕ	0		0	
Всего	100		100		100	

Параллельно с утратой отдельных периферийных форм мы наблюдаем отдельные признаки синтетизации новых падежных форм из сочетаний «послелог + имя»; однако этот процесс еще не завершен, он идет на протяжении всего среднетюркского и современного периодов развития тюркских языков. Наши дальнейшие исследования будут нацелены на выяснение вопроса о том, как формируются современные падежи и их функции, какие факторы приводят к усложнению тюркских падежных систем.

На этапе высокоразвитой древнеуйгурской письменности мы констатируем упрощение падежной парадигмы и семантическую специализацию отдельных элементов падежных систем. Учитывая то, что данный вариант письменности отражает языковые особенности идиомы, играющей роль койнэ на огромной территории Центральной Азии, это развитие не случайно, а непосредственно связано с его коммуникативной ролью и статусом наддиалектной нормы.

Список литературы

ДЛТ – Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): В 3 т. / Пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина, предисл., введ. И. В. Кормушина; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова; Ин-т востоковедения РАН: Ин-т языкознания РАН. М.: Вост. лит., 2010. Т. 1. 461 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 304 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.

Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.

Dahl Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 319 p.

Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden, Boston: Brill, 2004. 575 p.

Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective // Language complexity: Typology, contact, change / Eds. M. Miestamo, K. Sinnemäki, F. Karlsson. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 23–41.

Nevskaya I. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms // A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond / Eds. M. Robbeets, W. Bisang. John Benjamins, 2014. P. 257–286.

Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey // Language complexity as an evolving variable / Eds. G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 110–125.

Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana Univ. Publ., 1968. 419 p.

Список условных сокращений и обозначений

AbI – аблатив, исходный падеж; **Acc** – аккузатив, винительный падеж; **Com** – комитатив, со-вместный падеж; **Compar** – компаратив, сравнительный падеж; **Coord** – координатив, падеж, оформляющий однородные члены предложения; **Dat** – датив, дательно-направительный падеж; **Dir** – директив, направительный падеж; **Equ/Lat** – экватив-латив, сравнительно-продольный падеж; **Gen** – генитив, родительный падеж; **Instr** – инструменталис, инструментальный падеж; **Loc** – локатив, местный падеж; **Nom** – номинатив, именительный падеж; **Part** – парти-тив, частный падеж; **Vocat** – вокатив, звательный падеж.

Языки: **алт.** – алтайский; **дт** – древнетюркский; **пт** – прототюркский; **тоф.** – тофаларский; **тув.** – тувинский; **хак.** – хакасский; **шор.** – шорский; **якут.** – якутский.

Первый корпус. Надпись в честь Тоньюкука*

ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕКСТА

Западная сторона

1. bilgä toñy(u)q(u)q b(e)n öz(ü)m t(a)bγ(a)č el(i)ngä qıl(ï)nt(ï)m türk bod(u)n t(a)bγ(a)čqa kör(ü)r (e)rti
2. [tür]k bod(u)n q(a)nñin bulm(a)y(ï)n t(a)bγ(a)čda (a)d(ï)r(ï)lti q(a)nl(a)nti q(a)nñin qod(ï)p t(a)bγ(a)čqa y(a)na ič(i)kdi t(e)ngri (ï)nča t(e)m(i)s (e)r(i)nč q(a)n b(e)rt(i)m
3. [q(a)n(ï)ng(ï)n qod(ï)p ič(i)kd(i)ng ič(i)kd(ü)k üč(ü)n t(e)ngri ö[l(ü)r]tm(i)s (e)r(i)nč türk bod(u)n ölti (a)lq(ï)nti y(o)q bolti türk sir bod(u)n y(e)rintä
4. bod q(a)lm(a)dï ida t(a)šda q(a)lm(ï)šï qubr(a)nñip y(e)ti yüz bolti (e)ki ül(ü)gi (a)tl(ï)γ (e)rti bir ül(ü)gi y(a)d(a)γ (e)rti y(e)ti yüz kisig
5. ud(u)z(ï)γma ul(u)γï š(a)d (e)rti y(a)γ(γï)l tedi y(a)γm(ï)sï b(e)n (e)rt(i)m bilgä toñy(u)q(u)q q(a)γ(a)n mu qïs(a)yïn t(e)d(i)m s(a)q(ï)nt(ï)m tor(u)q buq(a)lï s(e)m(i)z buq(a)lï ir(a)qda
6. büngs(ä)r s(e)m(i)z buqa tor(u)q b(u)qa t(e)y(i)n bilm(ä)z (e)rm(i)s t(e)y(i)n (ï)nča s(a)q(ï)nt(ï)m (a)nta kisrä t(e)ngri bil(i)g b(e)rt(ü)k üč(ü)n öz(ü)m ök q(a)γ(a)n qïsd(ï)m bilgä toñy(u)q(u)q boyla b(a)γa t(a)rqa)n
7. birlä elt(e)r(i)s q(a)γ(a)n bol(u)y(ï)n b(e)r(i)yä t(a)bγ(a)č(ï)γ öngrä qït(a)nñ(ï)γ yïr(ï)ya oγ(u)z(ï)γ ük(ü)s öl(ü)rti b(i)lg(ä)si č(a)b(i)sï b(e)n (ö)k (e)rt(i)m čoy(a)y quzin q(a)ra qum(ï)γ ol(u)rur (e)rt(i)m(i)z

Южная сторона

- 8 (1). k(e)y(i)k yeyü t(a)b(ï)šγ(a)n y(e)yü ol(u)rur (e)rt(i)m(i)z bod(u)n boy(u)zï t(o)q (e)rti y(a)γ(ï)m(ï)z t(e)grä uç[r](u)q(?) t(e)g (e)rti biz (e)š(i)g (e)rt(i)m(i)z (ï)nča ol(u)r(u)r (e)rkli oγ(u)zd(ï)nt(a)n kör(ü)g k(e)lti
- 9 (2). kör(ü)g s(a)bï (a)nt(a)γ toq(u)z oγ(u)z bod(u)n üzä q(a)γ(a)n ol(u)rti ter t(a)bγ(a)čγ(a)ru qunï s(ä)ngün(i)g idm(ï)s qït(a)nñγ(a)ru tongra (e)s(i)m(i)g idm(ï)s s(a)b (ï)nča idm(ï)s (a)z q(ï)ña türk [bod(u)n]

* Тугушева Л. Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. СПб.: Инсан, 2008. 192 с.

10(3). yorïyor (e)rm(i)s q(a)γ(a)nï (a)lp (e)rm(i)s (a)yγučiisï bilgä (e)rm(i)s ol (e)ki kisi b(a)r (e)rs(ä)r s(e)ni t(a)bγ(a)č(i)γ ölürt(ä)či term(ä)n öngrä q(i)t(a)ñ(i)γ öl(ü)rt(ä)či term(ä)n beni oγ(u)z(i)γ

11 (4). öl(ü)rt(ä)či (ö)k term(ä)n t(a)bγ(a)č b(e)r(i)d(i)n y(ä)n t(e)g qit(a)ñ öngd(ü)n y(ä)n t(e)g b(e)n yir(i)d(i)nt(a) y(a)n t(e)g(ä)yin türk sir bod(u)n y(e)rintä idi yor(i)m(a)zun us(a)r idi y(o)q qis(a)l(i)m

12 (5). term(ä)n ol s(a)b(i)γ (e)s(i)d(i)p tün ud(i)siq(i)m k(e)lm(ä)di күnt(ü)z ol(u)rs(i)q(i)m k(e)lm(ä)di (a)nta ötrü q(a)γ(a)n(i)ma öt(ü)nt(i)m (i)nča öt(ü)nt(i)m t(a)bγ(a)č oγ(u)z qit(a)ñ bu (ü)č(ä)gü q(a)b(is)s(a)r

13 (6). q(a)lt(a)čib(i)z öz (i)či t(a)s(i)n tutm(i)s t(e)g biz yuyqa (e)rkl(i)g (~(e)rkli?) top(u)lγ(a)lï uç(u)z (e)rm(i)s y(i)nčgä (e)rkl(i)g üzg(ä)li uç(u)z yuyqa q(a)l(i)n bols(a)r top(u)lγul(u)q (a)lp (e)rm(i)s y(i)nčgä

14(7). yoγ(u)n bols(a)r üzg(ü)l(ü)k (a)lp (e)rm(i)s öngrä qit(a)ñda b(e)r(i)yä t(a)bγ(a)čda qur(i)ya qur(i)d(i)nta yir(i)ya oγ(u)zda (e)ki üç bing süm(i)z k(e)lt(ä)č(i)m(i)z b(a)r mu ne (i)nča öt(ü)nt(i)m

1. Бильге Тоньюкук, сам я являюсь питомцем страны Табгач. Тюркский народ [тогда] был зависим от табгачей.
2. Тюркский народ не имел своего хана; отделившись от табгачей, он обрел своего хана, но покинул своего хана и вновь подчинился табгачам. Небо, видимо, так сказало: «Я дало хана,
3. но ты оставил своего хана и покорился [табгачам]!». Из-за того, видимо, что он покорился, Небо обрекло его на гибель. Тюркский народ перестал существовать, исчез, ушел в небытие. На земле тюрков и сиров
4. не осталось [ни единого] рода. Но остававшиеся среди зарослей и скал собрались; их стало семьсот [человек]. Две части из них были конными, одна часть — пешей. Старейшиной, возглавившим [эти] семьсот человек,
5. былшад. Он сказал: «Присоединяйтесь!». Присоединившимся был я — Бильге Тоньюкук. Я подумал: «Не учредить ли мне кагана?» Я полагал: «Когда тощий бык [или] жирный бык
6. брыкаются¹²⁷ вдалеке, то невозможно распознать, тощий то бык или жирный¹²⁸». Так я полагал. Затем, благодаря тому, что Небо дало мне мудрость, я сам самочинно учредил кагана. Бильге Тоньюкук — бойла-бага-тархан и

7. Эльтериш-каган [некогда], будучи вместе, во множестве побивали табгачей на юге, киданей на востоке, огузов на севере. [При этом] и его мудрым советником, и его сподвижником был я. Мы жили у [гор] Чогай Куз¹²⁹ на Черных песках.

Южная сторона

8(1). Мы жили, питаясь [мясом] оленей и зайцев. Народ был сытым, но враги вокруг нас были подобны горным пикам, мы [же] были обрушенными(?)¹³⁰. В то время как мы таким образом обитали, прибыл лазутчик со стороны огузов.

9(2). Слова лазутчика были таковы: «Над токузогузами воссел каган» — сказал он. «Он направил к табгачам Куны-сенгюна, к киданям — Тонгра Эсима с таким посланием: <<Небольшое тюркское [племя]

10(3). будто бы бродит. Каган их будто бы храбрый, [его] советник — мудрый. Коль скоро эти два человека существуют, тебя, табгача, они уничтожат, говорю я; на востоке киданей они уничтожат, говорю я; меня, огуза,

11(4). они уничтожат, говорю я. Вы, табгачи, выступите с юга! Кидани, выступите с востока! Я выступлю с севера, и пусть они вовсе не ступают по земле тюрков и сиров! Если посмеют, то мы их уничтожим,

12(5). говорю я>>». Когда я услышал эти слова, то не мог спать ночи и не находил покоя (букв. не мог присесть) днем, и тогда я обратился к моему кагану. Я обратился так: «Если табгачи, огузы и кидани — эти трое объединятся,

13(6). то мы останемся [одни]. Но, похоже, мы [в состоянии] сохранить (букв. удержать) свое внутреннее и внешнее [положение]. Если [нечто] является тонким, пробить нетрудно; если [нечто] является узким, разорвать нетрудно; но если тонкое станет толстым, пробить трудно; если узкое

14(7). станет широким, разорвать трудно. На востоке среди киданей, на юге среди табгачей, на западе среди западных [народов], на севере среди огузов разве не найдется двух-трех тысяч наших воинов, которые перейдут (букв. придут) к нам?» Так я обратился.

Второй корпус: доклассический период*

1. [kün ay tngri ol : béš tngriḡ bošu]ḡalı y(a)ruquḡ
2. [q(a)raḡ ad(i)ḡalı tegrä toli] tegz-inür tört bulu[nguḡ]
3. [yarutir tngriḡ söda berü bi]lmätin kün ay tngrikä iki
4. [yaruq ordu içrä oluruḡma tngri]i-lärkä nečä yaz-(i)nt(i)m(i)z ersär
5. [ymä kertü erklig küčlüḡ tngri] tépän kértgünmäd(i)m(i)z ersär :
6. [nečä üküš yavlaq ču]lvu sav söz-läd(i)m(i)z ersär : ymä kün ay
7. [ölür téd(i)m(i)z ersär : er]ks(i)z(i)n toḡar batar erki [bar ersär]
8. [toḡmaz-un tédim(i)z ersär] : k(e)ntü öz-ümüz-ni күntä ay-da
9. [öngi-]biz tédim(i)z ersär : bu ikinti bilmätin yaz-(i)nm(i)š [yaz-uquḡ]
10. [bošunu ötünür-biz : man(a)star xir]z-a :: üçünč ymä béš
11. [tngri]ikä : [xormuzta tngri oḡlanıḡa] : bir tintura tngri :
12. ikinti yél tngri : [üčünč y(a)ruq] tngri : törtünč suv tngri :
13. béšinč oot tngri : sön yeکلüğün süngüşüp bal(i)qduqin
14. üçün qar(a)qa qatiltuqin üçün tngri yéringärü baru
15. umatın bu yérdä erür : üz-ä on qat kök asra
16. sekiz qat yér béš tngri üçün turur : qamaḡ yér üz-äki-i-
17. -ning [qutı qivı öngi mengiz-i] : öz-i öz-üti küči y(a)ruqı
18. töz-i yiltiz-i béš tngri ol : tngriḡ söda berü béš tngriḡ
19. bilmätin ay(i)ḡ y(a)vlaq bil[i]ḡin nečä sidim(i)z b(e)rtd(i)m(i)z ersär :
20. tört y(e)ḡ(i)rmi türlüḡ baş qilt(i)m(i)z ersär : on yılan başl(i)ḡ
21. erngäkin iki qırq tišin tirig öz-üg aš içkü
22. [tngri]ḡ nečä ačitd(i)m(i)z aḡritd(i)m(i)z ersär : quruḡ öl yérkä
23. béš türlüḡ tınl(i)ḡ-qa : béš türlüḡ otqa iḡaçqa
24. nečä yaz-(i)nt(i)m(i)z ersär : [emti] tngriḡ yaz-uqda bošunu ötünür-
25. -biz : man(a)star xirz-a :: törtünč söki tngri
26. y(a)lavači burxan-larqa buyanči böḡtäḡči arıḡ dintar-larqa
27. bilmätin nečä yaz-(i)nt(i)m(i)z ersär : ymä kértü tngri yalavači²⁴ burxan
28. tépän edḡü qilinčl(i)ḡ arıḡ dintar tép kértgünmäd(i)m(i)z ersär : tngri
29. nomın söz-läsär biligsiz-in utru öz-näd(i)m(i)z ersär : nomuḡ
30. törüg yadturmatın tidt(i)m(i)z ersär : tngriḡ emti ökünürbiz
31. yaz-uqda bošunu öt[ünür]-biz : man(a)star xirz-a :: béšinč
32. béš türlüḡ tınl(i)ḡ-qa : bir ymä iki adaql(i)ḡ kiši-kä ikinti
33. tört butluḡ tınl(i)ḡ-qa : üçünč uçuḡma tınl(i)ḡ-qa :
34. törtünč suv içräki tınl(i)ḡ-qa : béšinč yérdäki baḡrın
35. yoriḡma tınl(i)ḡ-qa : söda berü tngriḡ bu béš türlüḡ
36. tınl(i)ḡaḡ tural(i)ḡaḡ uluḡqa kičigkätäḡi nečä qorqıtd(i)m(i)z
37. ürkitd(i)m(i)z ersär : nečä [urtu]muz yontumuz ersär : nečä ačitd(i)m(i)z
38. aḡritd(i)m(i)z ersär : nečä ölürdümüz ersär : munča tınl(i)ḡ-qa
39. tural(i)ḡ-qa öz ötäḡči²⁵ boltumuz : tngriḡ emti yaz-uqda

*Тугушева Л. Ю. Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах). СПб.: Нестор-История, 2008. 81 с.

ⁱ (1-3) [воротами] является Божество Солнце и Лунаⁱⁱ. Для того, чтобы освободить Пять божествⁱⁱⁱ и разделить Свет и Тьму^{iv}, оно делает полный обход вокруг и освещает четыре стороны (букв. угла) света.

(3-10) О, мой Бог, если мы когда-либо, не ведая, заблуждались в отношении Божества Солнце и Луна, божеств, находящихся в двух [Светлых дворцах]^v, и если мы не уверовали в них, признав их истинными, могучими и сильными божествами, если мы говорили [о них] много скверных и недостойных слов, если мы говорили, что Солнце и Луна перестанут существовать, что они восходят и заходят, не имея воли, что, если они обладают волей, пусть не восходят; если мы говорили о самих себе, что мы иное, чем Солнце и Луна, мы просим об освобождении от этого второго, по неведению совершенного греха. Прости мой грех!

(10-18) **Третье.** Из-за того, что против Пяти божеств — сыновей^{vi} бога Хормузты (~Индры)^{vii}, первым из которых является божество Эфир, вторым – божество Ветер, третьим – божество Свет, четвертым – божество Вода, пятым – божество Огонь, некогда воевали скопищем²⁹ демоны^{viii}, и Пять божеств были изранены (*hend.*), они смешались с Тьмой^{ix}, не смогли достичь земли Богов^x и пребывают на этой земле. Десять ярусов неба вверху и восемь ярусов земли внизу^{xi} существуют благодаря Пяти божествам^{xii}. Благоденствие (~счастье) и удачу, цвет и образ, субстанцию и сущность, силу и свет, корень и основу всего сущего на этой земле составляют Пять божеств.

(18-25) О, мой Бог, если мы когда-либо, не ведая, в силу порочных и дурных знаний, разрушали и терзали Пять божеств и наносили им четырнадцать видов ущерба (букв. ранений), если мы с помощью десяти змеиноголовых пальцев и тридцати двух зубов как-либо причиняли страдания и боль живым существам и божеству, [дающему] пищу и питье, если мы как-либо грешили против сухой и сырой земли, против пяти видов живых существ и пяти видов трав и деревьев, ныне мы, мой Бог, просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

(25-31) **Четвертое.** Если мы, не ведая, заблуждаясь относительно будд, являющихся посланниками Бога^{xiii}, и чистых, благодетельных и приводящих к мудрости избранных^{xiv}, и не уверовали в них, признав их истинными буддами, посланниками Бога, и чистыми избранными, если мы, когда они излагали учение^{xv}, противоречили [им], если мы сдерживали [их], не давая распространять учение и предписания, ныне мы, мой Бог, раскаиваемся и просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

(31-40) **Пятое.** Если пяти видам живых существ, во-первых, двуногим людям, во-вторых, живым существам о четырех ногах, в-третьих, летающим живым существам, в четвертых, живым существам, [обитающим] в воде, в-пятых, живым существам, ползающим (букв. передвигающимся на брюхе) по земле, мой Бог, если когда-либо этим пяти видам живых и живущих существ от велика до мала мы как-либо причиняли страх и боязнь, били и бичевали³⁰ [их], доставляли [им] мучения и боль, как-либо губили [их], то для стольких живых и живущих существ мы стали теми, кто должен [восполнить им] жизнь, и ныне, мой Бог, мы просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

Второй корпус: классический период*

<p>Maitr.0.01 & takı ymä bo [buyanag] ävirär biz .. ögümüz kisilig kunčuka .. inim(i)z il suñkut tarhanka .. il togmiška .. & bo buyan küčintä igs(i)z adas(1)z ärz-ünlär ..</p>	<p>Und ferner wenden wir dieses [Verdienst] unserer Mutter, Kisilig Qunču, unserem jüngeren Bruder II Sungqut, dem Tarqan, und dem II Točmiš zu. Durch die Kraft dieses Verdienstes mögen sie ohne Krankheit und ohne Gefahr sein!</p>
<p>& takı ymä bo buyan(a)g ävirär biz .. kaz-ganmiš kañım(1)z z-ägäk tutuk igidmiš ögüm(ü)z torku kunču ečim(i)z bägän tutuk ulatı kamag ka kad[aš]ka [kut] ülüg bolz-un ..</p>	<p>Und ferner wenden wir dieses Verdienst unserem verdienten Vater Zägäk Tutuq, unserer Pflegemutter Torqu Qunču, unserem älteren Bruder Bägän Tutuq und allen übrigen Verwandten zu; Glück (Hend.) möge ihnen zuteil sein!</p>
<p>& bo b[uyan] küčintä t(ä)ñri yerintä tugz-un & t(ä)ñri yerintä tugsar tuž-it[takı] [may]tri bodis(a)vt üskintä [tugz-unlar]</p>	<p>Durch die Kraft dieses V[erdienstes] mögen sie im Götterland wiedergeboren werden! (Und) wenn sie im Götterland wiedergeboren werden, [mögen sie geboren werden] angesichts von Bodhisattva [Mai]treya [im] Tušita-(Himmel)!</p>
<p>& kayu üdün töz-ün maytri b[odisavt] tuž-it t(ä)ñri yerintin enä [yarlıkadok]-ta biz ymä kamag ka kadaš anta ketumati kändä birlä enälim .. & maytri bodis(a)vt burhan kutın bultokta biz kamagun anta burhan kutıña alkış bulmakım(1)z bolz-un ..</p>	<p>Wenn der edle B[odhisattva] Maitreya vom Tužita-Götterland herabzusteigen [geruht], wollen auch wir zu jener Zeit mit allen Verwandten zusammen zur Stadt Ketumat, herabsteigen. Wenn der Bodhisattva Maitreya die Buddha-Würde erlangt hat, dann mögen wir insgesamt die Prophezeiung zur Buddha-Würde erlangen!</p>
<p>& ol üdün bo nomug anta altunlug kăgdä üz-ä [bititmä]kimiz bolz-un .. uluštakı n(a)ndasene elig bägig korkıtıp kutgargalır üçün kadar kaşlag tumlug yüz-lüg bars ät'öz-iñä kädilip kântü ät'öz-in bars b(ä)lgür-tüp kutgaru y(a)rlıkadı</p>	<p>Zu jener Zeit mögen wir dort dieses Sftra auf goldenem Papier [schreiben lassen]! ... um den König Nandasena (?) im ... Reich zu erschrecken und zu erlösen, inkarnierte er sich im Körper eines grimmig blickenden, schrecklichen (wrtl.: von kaltem Gesicht seienden) Tigers, ließ seinen Körper als Tiger erscheinen und geruhte, ihn zu erlösen.</p>
<p>& yalıñ yorır tärs nomlug dentar[larag kutgar]--galır üçün uvut ıyat ičginu y(a)rlıkap tonsuz čuba yalıñ olarnı birlä katılı yorıp kutgaru y(a)rlıkadı ..</p>	<p>Und um die nackt gehenden, einer falschen Lehre anhängenden Mönche zu [erlösen], geruhte er, die Scham (Hend.) abzulegen, und er ging, sich ohne Kleidung und nackt (Hend.) unter sie mischend, und geruhte, sie zu erlösen.</p>

* VATEC: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/Maitrisimit_0-2.htm.

<p>& ymä bir ugurda birlä katılı yorıp kutgaru y(a)rılıkadı ..</p>	<p>Und in einem anderen Fall mischend, und geruhte, sie zu erlösen.</p>
<p>& ymä bir ugurda yolta ogul agrığı kirdi .. & äñi yarı kurıp köz-i tälmirip anasın atayu ıglayur sıgtayur ärti .. & tükäl bilgä t(ä)ñri t(ä) ñrisi burhan anıñ ämgäkin körü särü umatın anasınıñ ät'öz-in b(ä)lgürtüp yılıg yumşak savın avıtu ıdok älgın av(ı)ra işin işläp känčk(i)yäsin yup äsän tükäl balıkka tägürü elitdi</p>	<p>Und in einem anderen Fall traten die Geburtswehen ein, ihr Gesicht* war erschöpft (wrtl.: ihr Gesicht und Speichel vertrockneten), ihre Augen wurden starr, sie rief ihre Mutter und jammerte und wehklagte. Indem der völlig weise Göttergott Buddha ihr Leid nicht sehen und ertragen konnte, zeigte er sich im Körper ihrer Mutter, und indem er sie mit sanften (Hend.) Worten beruhigte, verrichtete er mit heiliger Hand die Sache der Hebamme*, wusch ihr Kind und brachte es wohlbehalten und gesund zur Stadt.</p>
<p>& yana ymä yinçgä yip äñirdäçi küvänčän köñül(l)üg eşilärniñ küvänč köñlin turgurgalı tarkargalı kunčular ät'öz-in b(ä)lgürtüp ıdok älgın ikig tutup yip äñirä y(a)rılıkadı .. & ymä küväs katkı köñül(l) üg sasıçı ärniñ küvänčin sıgılı buz-galı üçün ıdok ät'öz-in sasıçı ät'öz-in b(ä)lgür-tüp sasılıkta kirip olma yapa olordı.</p>	<p>Dann wiederum, um den Hochmut (wrtl.: das hochmütige Herz) der hochmütigen Frauen, die einen dünnen Faden spannen, zu brechen (Hend.), zeigte er sich im Körper einer Fürstin, hielt die Spindel mit heiliger Hand und geruhte zu spinnen. Und um den Hochmut des stolzen Töpfer-Mannes zu brechen (Hend.), zeigte er sich mit dem heiligen Körper in einer Töpfer-Gestalt, trat in die Töpferei ein und machte dort Töpfe.</p>

I. A. Nevskaya

*Institute of Philology, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nevskaya@em.uni-frankfurt.de

COMPLEXITY OF CASE SYSTEMS OF HISTORICAL TURKIC LANGUAGES (OLD TURKIC PRE-MONGOLIC PERIOD)

The article deals with paradigmatic, syntagmatic and surface complexity of case systems of historical Turkic languages of the Old Turkic period.

The paradigmatic (systemic) complexity of the case systems is assessed according to the following criteria: quantity of elements, quantity of their paradigmatic variants (allomorphs), especially if the paradigmatic variation leads to changes in Old Turkic case systems. The surface complexity is the length of elements belonging to the described case systems.

The syntagmatic complexity has proved to be the most important criterion in our research. We especially take into consideration the following syntagmatic features of Old Turkic case forms: correlation of case forms with overt markers with the nominative case forms that do not have any overt marker; they coincide with nominal stems; percentage of usage of each case; semantic and syntactic functions of each case form.

The Old Turkic period is represented by written documents in various writing systems and on various materials (rocks, everyday objects, paper, parchment, etc.). It embraces the time period of almost six hundred years and covers the huge area in the center of Eurasia.

There are three corpora of Old Turkic texts arranged more or less diachronically.

The first corpus is represented by runiform Old Turkic texts. These are the oldest Turkic texts, the most ancient ones date back to the 7th century.

The second corpus is represented by the so-called Old Yughur texts. It contains texts dating back appr. to the 9th-11th centuries. It is the most rich corpus containing numerous texts belonging to different genres. Inside this period we distinguish three subperiods: the Manichaean one, the classical Old Uyghur one and the late Old Uyghur one.

The third corpus is represented by texts in the Arabic writing strongly influenced by the Islam religious tradition and belonging to the 12th-13th centuries.

We deal with the early Old Turkic time and describe case systems of the following texts: 1) an extract from the inscription devoted to Tonyukuk, ca. 2500 sounds, representing the first corpus; 2) an extract from the text Huastvanift, ca. 2500 sounds, belonging to the pre-classical period of the Old Uyghur time; 3) an extract from the text Maitrisimit, also ca. 2500 sounds, representing the classical period of the second corpus.

Our analysis showed that the inventory of case forms of Old Turkic languages of the earliest period was considerably bigger than that of modern Turkic languages.

In the course of this period, many ancient case forms were abandoned, thus the system of case forms became better organized, with fewer forms that are more semantically clear and specific. All this is an indication of less complex language systems.

Along with the loss of ancient case forms, some combinations of case forms with postpositions were beginning to get synthesized at that time.

The existence of a fusion morpheme denoting both the possessive of the third person and the accusative case and coinciding (in some allomorphs) in form with the ancient instrumental case has probably led to the disappearance of the latter and emergence of the new instrumental marker from the postposition 'together with, with' in later periods.

According to their semantics, case forms of later periods, especially in the classic Old Uyghur time, developed more specific functions as compared with the earliest Old Turkic historical documents.

Keywords: Turkic languages, morphology, complexity, case systems.

References

Dahl Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 319 p.

Divan Lugat At-Turk (Svod tyurkskikh slov) [Divan Lugat At-Turk (A Compilation of Turkic Words)]: In 3 vol. Translated from Arabian by A. R. Rustamov, edited by I. V. Kormushin, introduction by I. V. Kormushin, notes by I. V. Kormushin, E. A. Potseluevskii, A. R. Rustamov; Institute for Linguistics RAS. Moscow: Vost. lit., 2010, v. 1, 461 p. (In Russ.)

Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden, Boston: Brill, 2004. 575 p.

Kormushin I. V. Tyurkskie eniseiskie epitafii: teksty i issledovaniya [Turkic Yenisei Epitaphs: Texts and Studies]. Moscow: Nauka, 1997, 304 p. (In Russ.)

Kormushin I. V. Tyurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya [Turkic Yenisei Epitaphs: Grammar, Textology]. Moscow: Nauka, 2008, 342 p. (In Russ.)

Language complexity as an evolving variable. Ed. by Geoffrey Sampson, David Gil, and Peter Trudgill. Oxford: Oxford University Press, 2009. 328 p.

Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective. In M. Miestamo, K. Sinnemäki, and F. Karlsson (eds.), Language complexity: Typology, contact, change. Amsterdam: John Benjamins, 2008, pp. 23–41.

Nevskaya I. 2014. Chapter 12. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms. A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond. Ed. by Martine Robbeets and Walter Bisang. John Benjamins, 2014, pp. 257–286.

Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey. Geoffrey Sampson, David Gil and Peter Trudgill (Ed.), *Language complexity as an evolving variable*. Oxford: Oxford University Press, 2009, pp. 110–125.

Ramstedt G. I. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie: Morfologiya* [Introduction to Altai Linguistics: Morphology]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957, 255 p. (In Russ.)

SIGTYA: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka, 1988, 560 p. (In Russ.)

Tekin T. *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington: Indiana University Publications, 1968. 419 p.

Tugusheva L. Yu. *Tyurkskie runicheskie pis'mennye pamyatniki iz Mongolii* [Turkic Runic Literary Monuments from Mongolia]. Saint-Petersburg: Insan, 2008, 192 p. (In Russ.)

Tugusheva L. Yu. *Huastvanift (Manikheiskoe pokayanie v grekhakh)* [Huastvanift (A Manichean Confession of Sins)]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008a, 81 p. (In Russ.)